

МУСУЛЬМАНЕ В ЕВРОПЕ: ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ К ЦИВИЛИЗАЦИОННОМУ КОМПРОМИССУ

А. А. Разливаев

Институт актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Аннотация: Несмотря на принятую в европейских странах толерантность и политкорректность, скрыть умонастроения, выраженные словосочетаниями «столкновение цивилизаций», «межцивилизационный конфликт» не удастся. Даже у людей, незнакомых с тезисами Самуэля Хантингтона, в голове как условный рефлекс сформировалось устойчивое предубеждение, заставляющее оценивать происходящие конфликты именно как результат непреодолимых цивилизационных противоречий, в основе которых коренится ни что иное, как религия. На этом фоне во многих странах Европы стихийно растут антииммигрантские настроения. Таким образом, на повестку дня новой объединенной Европы выходят вопросы сохранения национальной культуры и уникальной европейской идентичности, вопросы безболезненной интеграции и политических прав новых жителей Европы.

Ключевые слова: межцивилизационный конфликт, национальная культура, национальная идентичность.

Abstract: Despite the tolerance and political correctness accepted in the European countries it is difficult to hide attitudes revealed by word collocations like «clash of civilizations» or «civilization's conflict». Most people, even those not familiar with the S. Huntington's theses, have generated a steady bias forcing to consider the occurring conflicts as a result of insuperable civilizations' contradictions which are rooted in religion. The abovementioned situation is a background for the growth of spontaneous antiislamic attitudes in many countries of Europe. Thus, the questions of preservation of national culture and unique European identity, questions of painless integration and political rights of the new European inhabitants are becoming the main themes of all European discussions.

Key words: intercivilizational conflict, national culture, national identity.

Подъем религиозного экстремизма и терроризма в совокупности с активизацией различного рода мусульманских движений и организаций в странах Запада, вызвал там бурный рост антиисламских настроений. Террористические атаки на США, Великобританию, Испанию, объявленный курс на войну против международного терроризма из года в год обостряют межкультурный диалог. Акты джихадизма часто и неоправданно воспринимаются общественным сознанием, чьи ценности по преимуществу формирует массовая культура, как неотъемлемый атрибут ислама и мусульманской цивилизации в целом, возлагая на исламские религиозные учреждения ответственность за террористические атаки.

Даже несмотря на принятую в европейской либеральной политической традиции толерантность и политкорректность, снизить остроту восприятия проблемы обществом, выраженного словосочетаниями «столкновение цивилизаций» или «межцивилизационный конфликт» не удастся. Мусульмане в свою очередь заявляют о начале войны Запада против ислама. Масло в огонь подливают и неосторож-

ные высказывания о «крестовом походе» из уст лидера единственной сверхдержавы.

Даже у людей, незнакомых с тезисами Самуэля Хантингтона, в голове как условный рефлекс сформировалось устойчивое предубеждение, заставляющее оценивать происходящие конфликты именно как результат непреодолимых цивилизационных противоречий, в основе которых коренится ни что иное, как религия. Предрассудок этот не может не отразиться на императивах их социального поведения и политических предпочтениях.

Крайне негативный образ ислама, как и сам межцивилизационный конфликт в настоящее время, время развития глобализационных процессов (когда культурные различия уходят, казалось бы, на второй план) и значительного влияния средств массовой информации культивируются и публикациями в СМИ тенденциозных высказываний исламских политиков, духовных лиц, рассуждающих о неминуемой исламизации Европы, джихаде против «неверных» и создании в перспективе панисламского государства на руинах европейских Содомы и Гоморры [1, с. 126].

Даже если не учитывать того, каким образом в сознании европейцев отражаются последствия

террористических актов религиозных фанатиков, из года в год в Европе множатся конфликты, за которыми просматривается культурно-религиозная основа: будь-то вопрос о «ношении платков» или «карикатурные скандалы». Последствия некоторых таких скандалов — вспышки массовой ненависти и насилия с обеих сторон — поджоги мечетей, убийства европейских либеральных интеллектуалов и мятежи парижских окраин. При этом часто приходится наблюдать демонстрации мусульман протестующих против введения «либеральных ограничений», апеллирующих к основным гражданским правам и европейскому мультикультурализму. Еще чаще слышатся утверждения о том, что приверженность традиционным исламским ценностям и символам препятствует плановой интеграции иммигрантов, а европейские сообщества иммигрантов воспринимаются как однородные образования, ничем не связанные с окружающим обществом и неподдающиеся культурному влиянию, что способствует росту бытового расизма.

Таким образом, на повестку дня новой объединенной Европы и основной темой всех европейских дискуссий становятся не столько вопросы гражданских прав, сколько вопросы сохранения национальной культуры и уникальной европейской идентичности, вопросы безболезненной интеграции и политических прав новых жителей Европы.

Стихийно растущие во многих странах Европы антииммигрантские настроения, вызванные массовым притоком в экономические центры переселенцев из стран Африки, Азии и Восточной Европы, моментально подхватывают отдельные политические элиты, которые используют их в борьбе за политические ресурсы, создавая новые правые популистские партии.

Если после 1945 года, еще на протяжении почти 30 лет, любая националистическая и правопопулистская политика пользовалась в Европе дурной славой (так как в памяти держались результаты успеха национал-социалистов в Германии), то уже в 80-е годы прошлого столетия европейские националисты пережили ренессанс, и облекли недовольства европейцев политикой их страх пред «чужими» в общественно-политические движения, для того чтобы найти себе место в политическом ландшафте современной Европы.

Исламофобия — есть ни что иное как проявление шовинистических взглядов и разновидность ксенофобии, всего того, что западное общество уже сотня лет пытается преодолеть. И усиление влия-

ния правопопулистских партий, расширение «патриотических» движений, спекулирующих на подобных умонастроениях, — достаточно тревожный откат от достижений европейского либерализма.

По верному замечанию швейцарского историка Урса Альтерматта: «Национализм во все возрастающей степени становится опасной ловушкой для либеральных демократий Западной Европы, даже в странах с давними демократическими традициями» [2, с. 235]. И ведь, действительно, современный демократический электоральный механизм позволяет всем на общих условиях участвовать в выборах. И, несмотря на то, что каждое из европейских государств при формировании избирательных систем устанавливает механизмы, ограничивающие доступ органы верховной власти политических объединений с «крайними» идеологиями, некоторые особо успешные правопопулистские партии приходят к власти в Европе.

Вспомним Ле Пена, с его Национальным Фронтом, и тем успехом, который он имел на президентских выборах в 2002 году. Тогда поговаривали даже о том, что Ж. Ширак, иницируя запреты на ношение платков, предпринял подобные действия с целью переманить на свою сторону часть националистического электората.

Другого рода дискуссию развивал английский журнал *Economist* [3, pp. 25—27], там, в меньшей степени уделялось внимание политической составляющей дискуссий, нежели культурной. Подчеркивалось, что, несмотря на общую традицию мультикультурализма и этнической толерантности во Франции и «многоцветность» французского общества, «небелые» национальные французские символы можно отыскать лишь в спорте и отчасти культуре. В то время как во Французской Национальной Ассамблее не было ни одного мусульманина. Даже социалистическая партия Франция не имела ни одного черного депутата.

Не секрет, что ксенофобия — явление для Европы уже хорошо знакомое и имеющее давние традиции. Ультраправые политики, сражающиеся против «понаехавших» чужаков, всегда апеллировали к наиболее консервативным кругам, националистические лозунги которых однозначно отталкивали либерально настроенные массы, для которых вообще любая степень солидаризации с крайне правыми уже представлялось как нечто дикое и просто неприличное. Таким образом в результате непримиримости первых и «брезгливости» последних главная тема, требующая определенной степени компромисса, — тема о необходимости выра-

ботки четкой и последовательной политики в отношении людей иной культуры и конфессии — оказывалась не востребована [4].

Проблема собственно ксенофобии и расизма для современного открытого европейского общества не является такой уж неактуальной, недаром 1997 год был провозглашен годом борьбы против ксенофобии, расизма, и притеснения меньшинств. В этом же году крупнейшая европейская социологическая служба «Евробарометр» с целью исследования уровня ксенофобских настроений в разных странах Европы провела опрос более 16 тыс. жителей 15 европейских стран. Результаты опроса и аналитический отчет был подготовлен венским институтом социальных исследований и анализа (SORA), от имени Европейского мониторингового Центра по проблемам расизма и ксенофобии [5]. Опрос, проведенный до террористических атак в США и Европе, показал высокий уровень расизма и ксенофобии в Европейском Союзе: почти треть европейцев причислили себя к расистам в «очень большой степени» и к расистам в «значительной степени». Почти 9 % европейцев отнесены к группе безусловных расистов.

40 % европейцев сказали, что в их стране живет «слишком много» представителей меньшинств. 45 % сказали, что их имеется «много, но не слишком много», и только 14 % считают, что их «не много».

По мнению 36 %, для того чтобы стать полностью принятыми в члены общества, «люди, принадлежащие к меньшинству, должны отступить от религии или культуры, которые в конфликте с законом». А четверть опрошенных «развили» предыдущую мысль, сказав: для того чтобы быть полностью принятыми, меньшинства должны «отойти от собственной культуры» и принять культуру коренного населения.

Согласно другому исследованию, посвященному проблеме исламофобии в странах ЕС, проведенному в 2006 г. тем же Европейским мониторинговым Центром по проблемам расизма и ксенофобии. Отрицательное отношение к мусульманам высказали в среднем 35,5 % опрошенных европейцев в шести крупнейших странах Евросоюза. Лидерами среди стран по количеству граждан проявляющих негативное отношение к мусульманам оказались Голландия (51 %) и Германия (47 %) [6].

Налицо несовпадение декларируемых ценностей и реальной стратегии поведения представителей европейского демократического общества. Отсутствие широкого диалога в обществе и про-

вал прежних попыток интеграции обуславливают потенциальную опасность сложившейся ситуации.

Ясно, что неприятие мигрантов на фоне наднациональной политики построения общеевропейского дома вызвано чувством страха. Европейцы боятся пасть жертвами терактов, организованных радикальными исламистами, или вследствие демографических перемен, оказаться чужими в своем доме, переименованном в «Еврабию». После террористических атак на Европейские столицы, население столкнулось с пониманием, что война с исламистским терроризмом перешла на территорию их стран поглотив мусульманские государства Афганистан и Ирак.

С этой точки зрения ислам многими европейцами воспринимается уже не как ветхая, косная религия, а как молодая агрессивная сила, стремящаяся к доминированию.

Кроме проблемы возрастающей ксенофобии, среди прочих причин глобального межцивилизационного противостояния в научном сообществе принято указывать следующие: социально-экономический разрыв в развитии между Западом и мусульманским миром, устойчивое влияние исламизма, локальные конфликты мусульман и немусульман [7].

Их обоснование не входит в рамки данной статьи. Поскольку исследование ограничено политическим пространством ЕС, представляется целесообразным только подробнее остановиться и рассмотреть проблему миграции мусульманского населения в страны Европейского Союза.

Фактор иммиграции неуклонно сказывается на облике «Старого Света», актуализируя вопрос о «христианско-мусульманском диалоге», которому придаются конкретные этно-политические и социально-экономические параметры.

«Мусульманский миграционный бум» даже побудил некоторых экспертов констатировать «исламизацию» Европы, а такой мэтр западной ориенталистики как Бернард Льюис определил террор и процессы иммиграции в страны ЕС как «третью волну атак на Европу» [8, с. 166].

Вопросы массового и слабо контролируемого процесса иммиграции на территорию Евросоюза населения из стран мусульманского Юга, действительно стоят очень серьезно и их нельзя называть просто рассказами местных ксенофобов. Согласно официальным отчетам Еврокомиссии, в Европе, без учета значительной части нелегалов, уже проживают порядка 13 млн. мусульман [6],

что составляет около 5 % всего населения стран Евросоюза. А при всех прочих равных, если, например, переговоры о полноправном членстве 70-миллионной Турции в ЕС так и окончатся ничем, к 2020 году доля мусульман будет доходить уже до 10 процентов.

После окончания Второй Мировой войны страны Европы решили проблему нехватки рабочих рук с помощью «импорта» мигрантов из неблагополучных стран, преимущественно мусульманских. Выходцы из стран «третьего мира» брались за низкооплачиваемую и неквалифицированную работу, которую не желало выполнять местное население. Англия, Голландия и Франция ввозили трудовые ресурсы из собственных бывших колоний. Германия пополняла недостаток чернорабочих из «дружественной» Турции.

Иммигранты считались временными рабочими и поэтому последовательная политика интеграции переселенцев из абсолютно иной этнокультурной среды полностью отсутствовала. Вскоре стало ясно, что расчет на временное пребывание иностранной рабочей силы себя не оправдал. После энергетических кризисов 1970-х годов и решения властей прекратить выдачу иммигрантам разрешений на трудовую деятельность подавляющее большинство из них, опасаясь уже никогда более не вернуться, решили обосноваться в Европе навсегда. Вскоре они стали перевозить на новую родину своих родственников.

С воссоединением семей мигрантов начался процесс формирования анклавов компактного проживания мусульманских общин в Европе. Выходцы из одной страны проживали компактно, возникло то, что стали называть «геттоизацией», образованием гетто. Две трети британских мусульман живут в районе Большого Лондона, третья часть французских мусульман — в Париже или вокруг него, треть германских мусульман — в индустриальном районе Рура. В Марселе мусульмане превышают 25 % численности населения, в Мальме (Швеция) — 20 %, в Париже, Брюсселе и Бирмингеме — 15 %, в Лондоне, Амстердаме, Роттердаме, Осло, Гааге, Копенгагене — 10 процентов[9].

Нет ни одной европейской страны, где бы не объединились и не действовали уже собственно исламские организации. К настоящему времени, основываясь на одних только количественных показателях численности мусульманского населения, мы можем смело утверждать, что «ислам стал составной частью европейского культурного пространства»[10, с. 60].

Касательно проблем уже современной европейской экономики нельзя не отметить, что для Евросоюза иммиграция имеет важное позитивное значение. Мигранты в большинстве своем молодые люди, приток этой новой силы восполняет уменьшение числа работающих, которым приходится кормить все большее число пенсионеров, поскольку в большинстве европейских стран пенсии выплачиваются за счет налогов, взимаемых с работающих. Таким образом, предложения некоторых правых политиков решить проблему, закрыв границы для новых иммигрантов, на сегодняшний день являются просто экономически невыгодной. В то же время сторонники усиления мер контроля над иммиграцией приводят как основной довод то, что такие ограничительные меры все-таки необходимы для предохранения страны от проникновения в нее террористов или перекрытия нелегального потока наркотиков.

Похоже, что сегодня развитие процессов иммиграции в Европу, которая осуществляется в подавляющем большинстве из исламских стран, без четко выраженной общеевропейской политики представляется непредсказуемым. Что касается процессов интеграции, то может показаться, что сама адаптация мусульман представляет собой только вопрос времени и в конечном итоге неизбежна. Но не менее очевидно при этом, что среди преимущественно второго и третьего поколений семей бывших иммигрантов с легкостью пускают корни радикальные антисистемные настроения, переосмысляемые ими не без помощи радикальных активистов в контексте ценностного, религиозно-культурного противостояния, но уже европейскому либеральному образу жизни.

Показательно в этом отношении исследование вашингтонского института Nixon Centre, в ходе которого была проанализирована деятельность террористов в западных странах. В основу этого исследования была положена составленная Робертом Лейкеном (Robert Leiken) и Стивеном Бруком (Steven Brooke) база данных, в которую были занесены 373 мусульман-террористов (проживавших или пересекавших границы), которые в период с 1993 по 2004 год были привлечены к суду, осуждены или погибли в Северной Америке и Западной Европе. В результате выяснилось, что 41 % зарегистрированных террористов имели гражданство стран ЕС или США. Подавляющее большинство были потомками иммигрантов или иммигрантами, много лет прожившими в западных странах [11].

В свою очередь, французские спецслужбы вывели формулу определения численности радикалов. Согласно ей, практически в любой мусульманской общине носителей экстремистской идеологии насчитывается до пяти процентов, из них порядка трех процентов являются потенциальными боевиками или исполнителями терактов. Это означает, что во Франции проживают по меньшей мере 300 тыс. экстремистов и порядка 9 тыс. потенциальных террористов [10, с. 73].

В этой связи опасения европейцев о «ползучей исламизации» Старого Света, страхи о «Еврабии» и «Лондонистане» в некоторой степени связаны не только с этническими и расовыми предрассудками, но с растущим влиянием экстремистов-джихадистов на мусульманское население европейских стран.

Кроме того у религиозного терроризма в его исламистском варианте существует и другая сторона — это связь наркомафии и незаконной иммиграции. По данным немецкой разведки (БНД), ежегодная нелегальная иммиграция в ЕС составляет от 200 до 300 тыс. человек, из которых примерно 50 тыс. иммигрантов-мусульман вовлечены в незаконную транспортировку наркотиков [10, с. 73].

На радикализацию мусульман в Европе влияют несколько факторов. В первую очередь это проблемы, связанные с трудностями интеграции в культурно-цивилизационное пространство европейских народов. Кроме того, и в благополучной Европе существуют социально-экономические проблемы, среди которых центральное место занимает безработица; трудности, возникающие с поиском работы для иммигрантов особенно актуальны. Иммигранты-мусульмане возглавляют все списки проблемных граждан; в этой социальной группе выше всего процент безработных, инвалидов, преступников, лиц, совершающих акты насилия в семье и трудных подростков.

Естественно, что мусульмане не всегда разделяют те ценности, которые доминируют на Западе. А под интеграцией многие коренные жители европейских стран, как мы это могли видеть по результатам приведенных социологических исследований [5], понимают полную ассимиляцию, ситуацию, когда бывшие иммигранты перестают относить себя к определенному неевропейскому этнонациональному сообществу.

Проблема отчуждения, по мнению социологов, является важным фактором, служащим мотивацией того, что мусульманская молодежь пополняет

ряды экстремистских группировок. Рост экстремизма, в свою очередь становится угрозой для идеи терпимости, служащей политическим и идеологическим фундаментом «еврогосударства». В ряде западных стран законы о натурализации делают чрезвычайно затруднительным получение гражданства мусульманами-мигрантами, даже если они родились и получили образование в этой стране. Общинная логика служит компенсацией за отказ от общественной интеграции, даваемой предоставлением гражданства. Эти люди вынуждены вести замкнутый образ жизни, в пределах одного квартала и говорить только на родном языке. Такая общинно-культурная обособленность заставляет иммигрантов чувствовать себя не столько алжирцами, турками, афганцами, сколько прежде всего мусульманами. Вероисповедная общность сближает и сплачивает людей. У мусульман наблюдается обостренное чувство принадлежности к умме — мусульманскому миру [12]. В окружении единоверцев человек ощущает себя среди своих. Да и в глазах европейцев выходцы из мусульманских частей Азии и Африки воспринимаются однозначно как мусульмане.

Особую роль в такой религиозной консолидации играет внешнеполитический контекст, придавая подобным спланированным религиозно-ориентированным установкам идеологическую составляющую. Неприятие существующего положения мусульманами в условиях растущего на Западе недоброжелательства и даже прямой враждебности по отношению к ним невольно повышает их солидарность с антизападными силами в мусульманском мире, а всякий вызов мусульманским народам воспринимается ими как посягательство именно на ислам как религию, и наоборот. Западное вмешательство в дела мусульманского мира, особенно политическое и военное, и возможно, больше всего — культурная экспансия, господство в сфере средств массовой информации, рассматривается как попытка навязать мусульманам чуждый им образ жизни [12].

Очевидно, что компактная отчужденность мусульманских групп иммигрантов наподобие кварталов-гетто только облегчает пропаганду исламизма и формирование террористических ячеек. Представители радикальных течений цинично пользуются атмосферой европейской толерантности по отношению к религиозным вопросам, распространению различных псевдорелигиозных идеологий созданию групп адептов и обширных сект. По сути, радикальные исламистские органи-

зации стараются «реисламизировать» мусульманские общины европейских стран. При этом одни делают ставку на «даава» (призыв к распространению веры), другие на вооруженную борьбу, проповедуют нетерпимость к представителям других религий [12]. Подобно европейским фашистам радикальные исламисты пропагандируют фанатичный антисемитизм и связанный с ним антиамериканизм в рамках различных конспирологических теорий.

Эта так называемая «реисламизация», по словам уважаемого востоковеда Г.И. Мирского, совсем не способствует образованию новых моделей социально-экономического устройства. «Единственное, что происходит, — восстановление древних нравов и обычаев, далеко не всегда соответствующих духу Корана» [13, с. 16]. Усиливая воинственную составляющую исламского учения не являющуюся основой религиозной традиции, а подкрепленную вырванными из контекста отдельными положениями Корана, идеологи-радикалы используют идеи ислама для обоснования террористической деятельности.

Молодые люди, родившиеся и выросшие в свободном европейском обществе, легко попадают под влияние радикальных исламистских имамов или своих экстремистки настроенных друзей. Активисты различных религиозных групп пользуются тем, что второе и третье поколение мусульман, выросших на Западе, в силу поверхностных представлений об исламе в этом смысле легко внушаемы, у них практически отсутствуют образовательные барьеры, а именно представления об ортодоксальной религии, перед восприятием политизированной версии ислама и ее радикальными трактовками.

Мусульмане зачастую проявляют непонимание необходимости развития традиционных ортодоксальных исламских правовых институтов, способных дать исчерпывающие ответы на все поставленные жизнью в новом культурном сообществе вопросы [14]. Как ни странно, нехватка в европейских странах подготовленных религиозных исламских кадров только усиливает проблему адаптации. А меры по «импортированию» духовных служителей часто не могут сколько-нибудь повлиять на ситуацию, в силу отсутствия у новоприбывших элементарных знаний местной культурной среды и языка.

Однако сам процесс переселения с мусульманского Востока в христианский Запад, эта, как обозначил руководитель Центра арабских и исламских

исследований Института востоковедения РАН В.В. Наумкин: «мусульманская *хиджра на Запад*... — это формирование новой псевдоуммы с особой идентичностью. Новые *мухаджир* (добровольно или вынужденно переселившиеся) зачастую приходят к парадоксальному выводу, что они могут свободнее исповедовать ислам в немусульманской стране, чем на своей родине, где господствующие нравы и порядки не представляются им чисто исламскими» [15, с. 178].

Между тем современный ислам часто сравнивают с христианством образца XV века, полагая, что с течением времени он «эволюционирует» до состояния современного европейского христианства (которое собственно не было даже упомянуто ни в проекте провалившейся Европейской Конституции, ни в подписанном в декабре минувшего года Лиссабонском договоре).

Такого мнения придерживается и профессор Тарик Рамадан (внук основателя египетской исламистской организации «Братья-мусульмане» Хасана аль-Банна) — идеолог концепции «евроислама» и один из наиболее популярных и либерально настроенных молодых лидеров исламской Европы [15, с. 179].

Евроислам (или джадидизм) — модернизаторское направление, по принципу «Богу — богово, а Кесарю — кесарево» представляет собой попытку сориентировать ортодоксальное мировоззрение правоверных таким образом, чтобы духовный мир никак не затрагивал светский. Исключение может быть сделано для общечеловеческих нравственных ценностей, присущих как подразумевается всем традиционным авраамическим религиям. Сознание этих «новых мусульман» характеризуется «глобальностью и неприятием традиционалистских, архаичных, «народных» форм исповедания религии, «но суть их соответствует Шариату, а внутреннее содержание направлено на призыв к Исламу» [16]. Ее представители — это, как правило, высокообразованные в соответствии с европейскими стандартами, активные мусульмане, знакомые с реалиями жизни на Западе и способные критически осмыслить с позиций ислама наследие чужой и собственной культуры и философии. В качестве ответа на исламизм и его экстремистские проявления они поднимают вопрос о реформаторстве.

Зачастую положение таких мусульманских модернизаторов очень сложное. Ортодоксами они воспринимаются как ренегаты, как люди, посягающие на незыблемость традиции. Однако представить себе исламскую идеологию без модернист-

ского направления уже невозможно. Процесс этот болезненный и небыстрый. Но модернизм становится все более и более востребованным.

Такое положение само по себе оставляет надежду на то, что проблема культурной модернизации и приспособления к новым условиям — лишь вопрос времени. Конечно, борьба за умы европейских мусульман будет продолжаться. Недовольство последних социально-экономическим положением экстремисты охотно используют для пополнения рядов своих сторонников. Однако нельзя не замечать и процесса интеграции мусульман в европейские общества, который является частью судя по всему достаточно длительного исторического процесса «цивилизационной гибридизации и взаимобмена» [15, с. 179]. Собственно от развития этих процессов в огромной степени зависит не только судьба ислама, но и отношение мусульман с внешним миром.

Очевидно, что в ближайшие годы напряженность в связи с существованием в культурном пространстве Европы столь мощного инородного течения, как ислам, только усилится. Этноконфессиональная раздробленность, причиной которой стали многочисленные неинтегрированные мусульманские общины, становится реальной угрозой внутривнутриполитической стабильности в европейских странах.

Когда у определенной части населения, представляющей к тому же неблагополучную его часть, возникает и впоследствии укрепляется убеждение в том, что они бедны и дискриминируются именно вследствие этнических либо конфессиональных особенностей, у этих людей «формируется менталитет, угрожающий возникновением в обществе перманентного насилия». В этих условиях Г.И. Мирский указывает на опасность возникновения своего рода «нового люмпен-пролетариата» — маргинальных слоев, отчужденных от преобладающей, более состоятельной части населения [13, с. 10].

Нынешняя ситуация, вызванная невниманием к миграционной политике европейскими правительствами, нуждается в серьезном анализе. Расчеты на то, что потомки иммигрантов ассимилируются полностью, тем самым отказавшись от традиции предков, не оправдались (с другой стороны существенным препятствием этому служили проявления расизма и ксенофобии со стороны коренных европейцев).

Существенная часть мусульман будут отстаивать на сохранении своей религиозно-культурной идентичности. Осознание собственных интересов,

их аккумуляция потребует расширения и умножения различного рода групп давления и движений, выступающих на политическом поле европейских государств.

На фоне происходящих изменений обострится внутриобщинный конфликт между «модернизаторами», сторонниками евроислама и «охранителями», отстаивающими право использования религии как политического инструмента. Вызывает особую озабоченность то, что в этих кругах связи с радикальными организациями за пределами европейского пространства будут только расширяться.

С другой стороны усилится и обозначившаяся в Западной Европе тенденция возрастания популярности правых партий, призывающих к защите завоеваний демократии, традиционных для европейского общества культурных ценностей и противостояния возрастающему влиянию «чуждых агрессивных культур».

Очевидно, что дальнейшее обособление мусульман неминуемо ведет к росту влияния радикального исламизма, лишь усиливая степень конфликтности в обществе. Многочисленные межконфессиональные и межэтнические противоречия — непереманный атрибут неблагополучных стран «третьего мира» — способны, как минимум, стать причиной серьезной социально-экономической стагнации, не говоря уже о более апокалиптических сценариях. А будущее европейского сообщества будет зависеть от того сумеют ли европейские политики выработать достаточно конструктивный и компромиссный подход по отношению к интеграции своих мусульманских общин в европейскую среду. Такая политика должна быть основана не только на сохранении и уважении прав их культурно-религиозного наследия представителей исламских стран, но и уравновесить их отношения с местной культурной средой, обеспечив их интеграцию в современную европейскую цивилизацию.

Здесь уместно напомнить, что сама идея единого европейского государства, признает право граждан и народов в него входящих на культурное многообразие и устанавливает строгие различия между политической и культурной сферами. Политическая идентичность Европы основана на принадлежности к некоей общей политической культуре, а не на воспоминании об общем культурном прошлом [17].

Похоже европейские лидеры перестали делать вид, что ничего не происходит. На сегодняшний день государственные органы проявляют все боль-

шую озабоченность проблемой адаптации иммигрантов и основывают свою политику в отношении других культур на терпимости, политкорректности и «конструктивном вовлечении». Межкультурный разлом губителен для Европы так же, как для США — расовая сегрегация, на борьбу с которой американское общество потратило столько сил.

15 ноября 2007 г. в Колледже Европы в Брюгге, где с речью посвященной будущему Европейского Союза, выступил глава британского Форейн офиса Дэвид Милибэнд, прозвучал призыв: «...мы должны использовать силу общих институтов и совместной деятельности, чтобы содействовать преодолению религиозных, региональных и культурных разрывов, особенно с исламским миром. Есть мрачный сценарий для 2030 года: это мир, еще более разобщенный по религиозному принципу, с разделительными линиями внутри стран и между ними. Мир, где усилятся угрозы (как внутренние, так и внешние) от террористов и стран-изгоев, а враждебность к Западу возрастет. Глобальные экономические перемены, которые, как считают многие, сделали нас богатыми за их счет, при этом будут отвергаться. ЕС может возглавить поиск альтернативы этому сценарию. Мы представляем триумф общих ценностей. Теперь нам необходимо найти и выразить общие ценности не только в национальной, но и в религиозной сфере...» [18].

Важнейшей задачей стоящей перед Европейским Союзом является переосмысление политики в отношении интересов мусульманских меньшинств, препятствию их дальнейшего отчуждения. Однако ясно, что политика интеграции по отношению к мусульманским меньшинствам, реализуемая исключительно «сверху» доброй волей государственных элит не будет эффективна без движения навстречу со стороны общества. Мусульмане никогда не смогут стать европейцами, если Европа не откроет для них свои общественные и политические круги. Необходимо выработать единую концепцию взаимодействия с мусульманскими общинами, так как на современном этапе каждое государство Евросоюза действует в этой сфере обособлено [10, с. 76]. Спустя полвека текущие события доказали, что стратегия, направленная на абсолютный ассимиляционизм иных религиозно-культурных общностей потерпела неудачу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малащенко А.В. Каким нам видится ислам. //Россия в глобальной политике. Сентябрь — Октябрь 2006, № 5.
2. *Альтернатив Урс*. Этнонационализм в Европе/ Пер. с нем. Базарновой С.В.; Рос. гос. гуманитар. ун-т. — М., 2000.
3. The war of the headscarves/ The Economist// London: The Economist Newspaper Ltd. 5 February 2004.
4. Лукьянов Ф. Либеральная ксенофобия <http://www.globalaffairs.ru/redcol/8329.html>
5. Attitudes towards minority groups in the European Union, A special analysis of the Eurobarometr. Racism and xenophobia in Europe, Eurobarometer Opinion Poll no. 47.1, 1997. http://europa.eu.int/comm/public_opinion/archives/eb/ebs_113_en.pdf
6. Muslims in the European Union. Discrimination and Islamophobia. European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia, 2006. http://fra.europa.eu/fra/index.php?fuseaction=content.dsp_cat_content&catid=3fb38ad3e22bb&contentid=4582d9f4345ad
7. Малащенко А.В. Танго с исламом// <http://globalaffairs.ru/articles/0/7267.html>
8. Льюис Б. Последнее наступление ислама? //Россия в глобальной политике. Сентябрь — Октябрь 2007, № 5.
9. Мирский Г.И. Европа и мусульмане // Интернет-портал [politcom.ru](http://www.politcom.ru) // <http://www.politcom.ru/article.php?id=4788>
10. Пономарева А. Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха // Индекс безопасности № 3 (83), Том 13, 2007.
11. Скопич О.А. О связи терроризма и миграционных потоков// <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/07-08-07.htm>
12. Нечитайло Д.А. Радикальные тенденции в мусульманских общинах Европы// <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1190888100>
13. Мирский Г.И. Возврат в Средневековье?// Россия в глобальной политике». № 5, Сентябрь — Октябрь 2006.
14. Sedat Laciner Identity and Terror in Western European Muslim Diasporas. <http://www.turkishweekly.net/articles.php?id=238>
15. Наумкин В.В. Фехтование цивилизаций // Россия в глобальной политике. Сентябрь — Октябрь 2007, № 5.
16. Мухаметов А. Р. Homo Islamicus XXI в. http://www.islam.ru/pressclub/analitika/homoislamicus/?print_page
17. Hans Koechler Muslim-Christian Ties in Europe: Past, Present and Future. <http://www.islamonline.net/english/Contemporary/2004/03/Article01.shtml>
18. Милибэнд Д. Европа как образцовая держава // Независимая газета, 26 Ноября 2007.